

Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына.

2 части. СПб. 1832. В т. вдовы Плюшара. XI, 183 и 190 стр. in 8.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

Не много писал г. Катенин, но сочинения его бывали поводом ко многим спорам. Свежо помню, как в 1819 году хохотал я, читая остроумный разбор "Мстислава Мстиславича"; припоминаю себе, как сокрушался я, читая споры об "Ольге", и никогда не забуду, как много смеялись мы, целым обществом приятельским, прочитывая замечания на замечания г-на Катенина об "Истории русской литературы" г-на Греча. Вероятно, были и еще какие-нибудь состязания *за, против, во славу или в ущерб сочинений* г-на Катенина; не могу сказать, сколько именно, только помню, что много было споров о сочинениях и мнениях сего писателя; в памяти моей *сочинение г-на Катенина и спор за него*, остались неразлучны.

Блаженные времена прошли! Мы теперь спорим менее и более любим давать себе отчет обо всех сколько-нибудь замечательных явлениях. Сверх того, мы собственно не принадлежим ни к одной из тех партий, которые развивали знамена и шли на борьбу за "Ольгу" за "Мстислава", за "Лешего", за октавы и за мнения г-на Катенина. Мы в лучшем положении для разбора "Сочинений" его и, если можно, для решения вопроса: отчего столько шумели о них?

Упомянутое нами слово "партии" объясняет многое. Надобно сказать о них нечто. От начала нынешнего столетия существовали у нас в литературе две главные партии, или школы: карамзинистов и славянофилов. Многие люди, даже с дарованием, увлеченные гармоническою, прелестною прозою Карамзина, сделались подражателями его во всем, даже в недостатках, которых у Карамзина было довольно. Аханье, вздохи, словесный филантропизм, однообразие напева и безотчетное, излишнее употребление слов и оборотов иностранных были отличительными признаками первой партии. Против этого восстал автор книги "О старом и новом слоге", имевший также многих и жарких поборников. Эта другая партия вдалась в крайность противоположную: как карамзинисты подражали во всем иностранному, так славянофилы хотели все обратить к славянскому языку, к древним обычаям и навыкам и, несправедливо почитая современников своих славянами, хотели доказать, что надобно оставить иностранцев и заимствовать все силы души и слова из родного, как полагали они, источника. Здесь, как почти всегда бывает в спорах, обе стороны имели справедливые основания, были обе в некотором смысле правы и только ошибались в выводах, в следствиях. Карамзин оказал нашему языку великую услугу тем, что, заимствовав для него некоторые формы и слова из иностранных языков, писал на нем прекрасно и был изящным образцом такого слога, какого до него не знала Россия. Виноват ли он, что не нашлось ему достойного преемника, не нашлось дарования, которое, идя проложенным путем, очистило бы его от терний и волчцов, остававшихся на нем? Последователи Карамзина увеличили только недостатки его слога, на вербовали кучу излишних, нелепых иностранных слов и выражений, превратили вздохи его в рыдания, чувствительность в слезливость и вместо умного заимствования от иностранцев хотели сделать нас вовсе не русскими? Основная мысль Карамзина: брать хорошее у чужеземцев и благоразумно усваивать его себе -- была справедлива, прекрасна, необходима для образованного народа. Однако ж, поставьте себя на место его современников, которые не могли так, как мы, судить об этом по опыту, по следствиям; они видели только мутный поток иностранного, который готов был затопить богатые нивы Русского Слова. Они должны были остановить его и также справедливо утверждали мысль, оправданную опытом, что главные улучшения для языка, для словесности должны быть заимствованы из родного мира, из уцелевших памятников русского духа, из стихий русского быта, ибо таково было основание их мысли. Она была несправедлива только применением своим, ибо антикарамзинисты хотели сделать нас опять не русскими, а славянами, хотели, чтобы мы забыли об иностранцах и для прошедшего мертвого оставили настоящее, живое, утвержденное употреблением и дарованиями. Казалось, надобно было бы тем и другим сделать один шаг, чтобы стать на точку истины. Однако ж это делается не так-то скоро.

Мало-помалу, первые состязатели удалились с боевого поприща. Место их заняли две новые, происшедшие от них, измененные временем партии.

Карамзинисты породили новую школу, которую можно именовать поклонниками Карамзина. Оставив безусловное подражание сему необыкновенному писателю, они полагают, что нельзя идти далее его; что, не именуя его русским Аристотелем, должно следовать ему как русскому Аристотелю, только не вводя новых иностранных слов и заимствуя мысли не у тех чужеземных писателей, у которых